

Весьегонская икона Бориса и Глеба наряду с чертами стиля, идущими из глубокой древности, выражает в то же время в своем художественном образе и то новое, что присуще творчеству Дионисия. В отличие от общепринятой композиции поза князей на весьегонской иконе театральна, одинаковые движения фигур проникнуты скандированным ритмом. У обоих широко расставлены ноги в красных сапогах, резко выделяющиеся на темно-зеленом поземе, оконтуренном для этого эффекта красной линией. Головы, осененные широкими золотыми нимбами, схоже повернуты влево, жесты рук обоих князей одинаковы.

Здесь Борис и Глеб нечеловечески исполинского роста. Плотное золото больших нимбов окружает их маленькие головы, придавая весомость их легким и длинным телам, разубранным в узорные, обнизанные драгоценными камнями одежды. Князья в этом изображении бесплотны и условны. Своеобразным магизмом проникнуты их по-военному четкие жесты. Они сближают небожителей Бориса и Глеба с земными ратниками, являя им предписанные каноном пример и назидание.

Язык жестов, пантомима имеет особое значение и в композициях Дионисия. Этот язык не только рассказывает о происходящем событии: он помогает художнику выразить наблюдаемые им в жизни отношения, придав им обобщающий поэтический характер.

Персонажи в сценах икон Дионисия движутся, будто подчиняясь ритму русского религиозного обряда. Они образуют слитные группы, перемежающиеся одинокими, как бы трепещущими фигурами, проникнутыми незавершенным движением.

Рис. 5. Борис и Глеб. Икона середины XV в. ростово-суздальской школы. (Гос. Третьяковская галерея, кат. I, № 180, 119×57 см).